

Дроздов Александр Юрьевич

доктор психологических наук, доцент,

заведующий кафедрой общей,

возрастной и социальной

психологии имени Н.А.Скока,

Национальный университет

«Черниговский колледжиум»

имени Т.Г.Шевченко,

г. Чернигов, Украина,

E-mail: dalmar@ukr.net

ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЧЕРНИГОВСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Рассматриваются фундаментальные и прикладные проблемы феномена психологической безопасности современной молодежи. Дано описание результатов нескольких исследований, проведенных психологами черниговской социально-психологической научной школы. Полученные результаты подтверждают системный характер психологической безопасности личности, ее связь с другими психологическими феноменами. Описаны практические разработки черниговских психологов, которые могут быть использованы в диагностической, развивающей и профилактической работе с молодежью.

Ключевые слова: психологическая безопасность, молодежь, студенты, школьники, черниговская социально-психологическая научная школа, буллинг, программа «Стоп агрессии в школе».

Oleksandr Drozdov Researches of Fundamental and Applied Aspects of the Youth's Psychological Safety in the Chernihiv Socio-psychological School

The fundamental and applied problems of the modern youth's psychological safety phenomenon are considered. There is description of the results of a few studies conducted by psychologists of the Chernihiv socio-psychological scientific school. The obtained results confirm the systemic nature of the person's psychological safety, its connection with other

psychological phenomena. Practical elaborations of Chernihiv psychologists which can be used in the diagnostic, developmental and preventive work with a youth are described.

Key words: *psychological safety, youth, students, school pupils, Chernihiv socio-psychological scientific school, bullying, "Stop Aggression in the School" program.*

Проблему психологической безопасности молодежи можно без сомнения считать одной из наиболее актуальных в современной психологической науке и практике. Это связано с тем, что молодое поколение выступает не просто одной из социально-демографических групп; фактически, это будущее любого общества и страны. При этом, вследствие своих возрастных особенностей, дети, подростки и юноши являются достаточно уязвимыми для многих негативных социальных влияний политического, культурного и экономического характера. К большому сожалению, современный мир не испытывает недостатка в таких воздействиях: социально-политическая и социально-экономическая нестабильность, провоцирующие радикализацию сознания и поведения части молодежи; сложная криминогенная ситуация; разного рода культурные деформации, происходящие на фоне снижения эффективности системы образования и воспитания и т.д. Все это ставит перед психологами ряд задач исследовательского характера, требующих оперативного реагирования. Особенно актуальным для ряда постсоветских стран, в частности Украины, представляется изучение социально-психологических аспектов психологической безопасности молодежи, в которых учитывается связь безопасности личности и ее социального окружения на микро-, мезо- и макроуровнях.

Анализ научных источников позволяет отметить наличие определенной научно-исследовательской традиции на постсоветском пространстве в изучении ряда социальных ракурсов психологической безопасности молодежи. Тут можно выделить как минимум три исследовательских тренда. Первым, одним из достаточно развитых на данный момент, выступает изучение психологической безопасности молодежи как субъекта образовательной среды. «Отправной точкой» тут можно считать классическую монографию И.А. Боевой (Боева, 2002), которая положила начало целому комплексу соответствующих психолого-педагогических исследований. Со временем, тут выделилось несколько более «узких» направлений, таких как проблема буллинговых отношений в учебных заведениях (Бочавер, 2013; Губарева, 2015; Губко, 2015; Петросянц, 2011), психологическая безопасность студентов в условиях высшей школы (Агузумцян, 2010; Дектярьова, 2013; Кора, 2015; Куравська, 2016); психологическая безопасность детей и молодежи в инклюзивном образовательном пространстве (Панченко, 2014; Юрченко, 2016) и др. Второй исследовательский тренд связан с информационно-

психологической безопасностью молодежи (Баранова, 2012; Медіапсихологія, 2014; Солдатова, 2014). Тут изучаются последствия негативного влияния как «традиционных» (реклама в СМИ, видеофильмы), так и относительно «новых» информационных агентов (Интернет, социальные сети). Наконец, третье направление носит психосемантический характер и связано с изучением социальных представлений молодежи про безопасность (Дроздова, 2019; Кикоть, 2013; Лызь, 2016).

Одновременно можно констатировать, что ряд фундаментальных и прикладных аспектов психологической безопасности подрастающего поколения исследован недостаточно глубоко. Прежде всего, следует указать на малочисленность практических разработок в этой области, в частности диагностического и развивающего характера. Кроме того, в современных украинских реалиях достаточно остро стоит проблема психологической безопасности молодежи, проживающей на территориях, пострадавших от украино-российского военно-политического конфликта (или в регионах, приближенных к ним). Малоизученной также является проблема связи психологической безопасности с политическим, экономическим, экологическим, правовым и другими типами повседневного сознания и поведения молодежи, отдельными видами ее социальных установок. Существование данной связи логично вытекает из того известного факта, что психологическая безопасность является комплексным (системным), многогранным психологическим феноменом (Агузумцян, 2010; Баева, 2006; Блинова, 2017; Донцов, 2015). Именно поэтому его предлагают рассматривать в нескольких ракурсах: как процесс (который создается каждый раз заново, когда встречаются социальные субъекты); как состояние (обеспечивающее базовую защищенность от негативных влияний); как свойство личности (характеризующее ее защищенность от деструктивных воздействий и внутренний ресурс сопротивляемости им); как на уровне личности, так и общества в целом.

С 2018 г. кафедра общей, возрастной и социальной психологии имени Н.А. Скока Национального университета «Черниговский колледж» имени Т.Г. Шевченко (г. Чернигов, Украина) проводит исследовательскую работу в рамках научной темы **«Проблемы психологической безопасности современной молодежи»**. Сотрудниками кафедры был проведен комплекс теоретико-эмпирических исследований на стыке общей, социальной, возрастной, педагогической, политической психологии. Такой широкий «охват» является следствием методологического подхода, который был заложен основателем и первым заведующим кафедрой – известным черниговским психологом Николаем Андреевичем Скоком (1948-2016). Выпускник факультета

психологии Ленинградского университета, выросший на идеях Б. Ананьева – одного из авторов системного подхода в психологии, Н.А. Скок передал своим коллегам и ученикам установку на проведение комплексных, разноаспектных исследований молодежи (что, в частности, нашло отражение в достаточно широкой предыдущей кафедральной научной теме – «Социально-психологические особенности современной молодежи»). В результате на кафедре общей, возрастной и социальной психологии имени Н.А. Скока (которая со временем стала центром черниговской социально-психологической научной школы) был накоплен определенный массив научных данных по проблеме психологической безопасности молодежи, представляющий интерес как в научном, так и практическом аспектах (Проблеми психологічної безпеки, 2019).

Ряд исследований фундаментального характера, проводимых черниговскими психологами, касался изучения количественных параметров психологической безопасности молодежи, а также их связи с разными социально-демографическими и социально-психологическими факторами и феноменами. Так, в сентябре 2018 г. нами было организовано и проведено исследование региональной специфики психологической безопасности студенческой молодежи Украины (Дроздов, 2018б). Выборку испытуемых составили студенты (n=160 человек; средний возраст – 19,4 лет), проживающие в трех регионах – Луганская и Черниговская области, а также г. Киев. Первый регион, как известно, непосредственно входит в зону военных действий (т.е. характеризуется высоким уровнем опасности). Во втором регионе боевые действия отсутствуют, хотя он имеет одни из самых низких в Украине показатели социально-экономического развития (высокий уровень смертности, низкий уровень доходов и т.д.), что позволяло условно определить его как регион со средним уровнем «социального стресса». Столица же условно выступала в роли «контрольной группы» – мегаполис с отсутствием военных угроз и высоким уровнем социально-экономического развития. Соответственно, первую группу испытуемых (n=49) составили студенты Луганского национального университета (эвакуированного в г. Старобельск); вторую группу (n=60) – студенты Национального университета «Черниговский колледж» имени Т.Г. Шевченко, а третью (n=51) – Национального медицинского университета имени А. А. Богомольца (г. Киев). В качестве диагностического инструментария использовалась Шкала базисных убеждений (ШБУ) Р. Янофф-Бульман в адаптации М. Падун и А. Котельниковой, показатели которой трактовались как индикаторы психологической безопасности личности (Падун, 2008). Все исследование проводилось анонимно. Полученные данные переводились в стандартные оценки-стены (см. табл. 1).

**Показатели психологической безопасности
в региональных группах украинской студенческой молодежи**

Субшкалы ШБУ	Средние значения (станды)		
	Донбасс	Чернигов	Киев
Доброжелательность окружающего мира	4,5 ± 2,5	4,8 ± 2,9	5,8 ± 2,2
Справедливость	4,7 ± 2,1	4,8 ± 2,2	4,6 ± 2,0
Контроль	6,0 ± 1,8	7,3 ± 2,1	7,2 ± 2,1
Образ «Я»	6,2 ± 2,5	7,5 ± 3,1	7,4 ± 2,9
Удача	6,3 ± 2,7	7,6 ± 2,9	7,5 ± 2,7

Базисному убеждению в доброжелательности мира в ШБУ соответствует аналогичная субшкала. Как видим, именно киевские студенты были склонны более позитивно воспринимать и оценивать окружающий мир, меру его доброжелательности (как после этого не вспомнить известный марксистский тезис о том, что «бытие определяет сознание»?). Соответственно, целиком закономерным можно считать самый низкий показатель у молодежи из Донбасса (их бытие, вероятно, далеко от столичного...). Отметим, что черниговские студенты также приближаются к этому уровню. При этом, у них имеет место самый высокий показатель дисперсии результатов, что указывает на выраженную поляризацию оценок испытуемых. По t-критерию Стьюдента были выявлены статистически достоверные отличия в результатах студентов Чернигова и Киева (при $p \leq 0,05$), Старобельска и Киева (при $p \leq 0,01$).

Базисное убеждение испытуемых в справедливости мира измерялось субшкалами «Справедливость» и «Контроль». Как видно, не смотря на явные отличия в социально-политической и социально-экономической реальности по трем регионам, большинство украинских студентов приблизительно одинаково воспринимают справедливость окружающего мира. И, как показывают результаты, не очень высоко. В тоже время, среднестатистические значения по субшкале «Контроль» в региональных группах отличались – по t-критерию Стьюдента были выявлены статистически достоверные отличия результатов студентов из Старобельска и Чернигова (при $p \leq 0,001$), Старобельска и Киева (при $p \leq 0,01$), что можно считать абсолютно закономерным (т.к. условия

военно-политического конфликта вряд ли способствуют развитию уверенности личности в своей способности влиять на социальную ситуацию и контролировать свою жизнь).

Наконец, базисному убеждению в ценности и значимости собственного «Я» соответствуют субшкалы «Образ Я» и «Удача». Процедура t-критерия Стьюдента выявила статистически достоверные отличия результатов по обеим субшкалам у студентов из Старобельска и Чернигова (при $p \leq 0,05$), Старобельска и Киева (при $p \leq 0,05$). Эти данные также можно считать закономерными психологическими следствиями военно-политического конфликта, отразившегося, в частности, на Я-концепции молодежи Донбасса (как составляющей ее психологической безопасности). В этом же исследовании мы изучали особенности связи показателей психологической безопасности студентов с их геополитическими представлениями о будущем (так наз. «прогностическими образами») (Дроздов, 2018а). В частности, испытуемым предлагался вопрос фильтрующего характера («*На Ваш взгляд, наиболее трудные времена для нашей страны...*»), который позволял распределить респондентов на три условные группы: «оптимисты» (которые выбирали вариант «уже позади»), «реалисты» («*длятся сейчас*») и «пессимисты» («еще впереди»). Полученные результаты отражены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели психологической безопасности в группах с разным уровнем оптимистичности прогностических представлений

Субшкалы ШБУ	Средние значения (стены)		
	«Оптимисты»	«Реалисты»	«Пессимисты»
Доброжелательность окружающего мира	6,1 ± 2,2	4,9 ± 2,7	4,8 ± 2,6
Справедливость	4,5 ± 2,3	5,1 ± 2,1	4,4 ± 2,1
Контроль	7,6 ± 1,8	6,7 ± 2,0	6,7 ± 2,2
Образ «Я»	7,6 ± 3,2	7,1 ± 2,7	6,7 ± 3,1
Удача	8,5 ± 2,1	7,1 ± 2,6	6,8 ± 3,1

Как видно, на уровне тенденции прослеживаются отличия в показателях субшкал «Доброжелательность окружающего мира», «Контроль», «Удача» (между «оптимистами» и двумя другими группами), а также «Образ Я» (между «оптимистами» и «пессимистами»). Можно заметить также другую интересную тенденцию – наивысший показатель

по субшкале «Справедливость» имеют почему-то «реалисты», а не «оптимисты».

Таким образом, степень оптимистичности-пессимистичности прогнозирования социально-политического и социально-экономического развития своей страны, так или иначе, связана с уровнем психологической безопасности личности. При этом процедура t-критерия Стьюдента выявила лишь два статистически достоверных отличия – в показателях субшкалы «Удача» между «оптимистами» и «пессимистами» (при $p \leq 0,05$), а также «оптимистами» и «реалистами» (при $p \leq 0,05$).

Из данных таблицы 3 можно увидеть, что в наибольшей мере геополитический образ будущего собственной страны был связан с такими субшкалами ШБУ, как «Доброжелательность окружающего мира» и «Справедливость».

Таблица 3

Связь геополитических прогностических представлений студентов с показателями их психологической безопасности

Прогностические представления о...	Корреляция с субшкалами ШБУ ***				
	ДОМ	С	К	ОЯ	У
превращении в высокоразвитую страну с высоким уровнем жизни		- 0,165 *			
преодолении коррупции	- 0,209 **				
превращении в безопасную страну	- 0,198 *				- 0,159 *
возвращении Крыма					
возвращении под контроль Донбасса					
членстве Украины в Евросоюзе		- 0,257 **			
статусе влиятельной страны Европы	- 0,182 *	- 0,216 **			
временной диапазон заинтересованности будущим				- 0,195 **	

Примечания: отрицательный коэффициент корреляции указывает на то, что испытуемые с более высокими показателями по субшкалам ШБУ давали ответы, содержащие меньший временной диапазон.

* при $p \leq 0,05$; ** при $p \leq 0,01$;

*** ДОМ – доброжелательность окруж. мира; С – справедливость; К – контроль; ОЯ – образ «Я»; У – удача.

В частности, студенты, которые были склонны считать окружающий мир относительно доброжелательным, давали более оптимистичные

(т.е. менее длительные по времени) прогнозы относительно преодоления коррупции в Украине, превращения её в безопасную и влиятельную европейскую страну. Склонность оценивать мир как справедливый, в свою очередь, оказалась связанной с позитивными прогнозами относительно превращения Украины в высокоразвитую страну, получения членства в Евросоюзе и статуса влиятельной европейской страны. Целиком естественным можно считать то, что оценка респондентами собственного «Я» коррелировала с их заинтересованностью событиями ближайшего будущего. В то же время показатель субшкалы «Удача» почему то оказался прямо связанным с оптимистичным прогнозированием превращения Украины в безопасное для её граждан государство. Показатели субшкал «Контроль» не выявили связи с геополитическим образом будущего (возможно потому, что большинство опрошенных считают, что от их усилий может что-то зависеть лишь в личной жизни, но не в государстве или обществе).

Целью другого нашего исследования (проведенного в конце 2019 г.) стало изучение уровней социального доверия современной молодежи к представителям различных профессиональных групп, а также, связи этого доверия с показателями психологической безопасности. Напомним, что социальное («макросоциальное») доверие, в отличие от межличностного, носит обобщенный, абстрактный, неперсонифицированный характер. Соответственно, если межличностное доверие играет важную роль в малых социальных группах, то социальное – во многом определяет функционирование и развитие общества в целом. Выборку нашего исследования (n=131 человек; средний возраст – 19,6 лет) составили студенты разных специальностей Национального университета «Черниговский колледж» имени Т.Г.Шевченко, Черниговского национального технологического университета и Запорожского национального университета. Были использованы авторская анкета и Шкала базисных убеждений (ШБУ). Для определения связей показателей доверия к профессиям и психологической безопасности студентов использовалась процедура корреляционного анализа (по критерию Спирмена). В результате, был зафиксирован ряд прямых статистически достоверных взаимосвязей между:

- параметром «Доброжелательность окружающего мира» и доверием к священникам (при $p \leq 0,01$);
- «Справедливость» и доверием к медсестрам, бизнесменам, продавцам, прокурорам, священникам, сотрудникам спецслужб, спортсменам, таксистам, школьным учителям (при $p \leq 0,05$) и социальным работникам (при $p \leq 0,01$);
- «Контроль» и доверием к медсестрам, бизнесменам, сотрудникам спецслужб, таксистам (при $p \leq 0,05$) и спортсменам (при $p \leq 0,01$);
- «Образ «Я» и доверием к военнослужащим, священникам и

спортсменам (при $p \leq 0,05$);

- «Удача» и доверием к журналистам, бизнесменам, прокурорам, спортсменам (при $p \leq 0,05$) и продавцам и священникам (при $p \leq 0,01$).

Как видим, в наибольшей мере с показателями социального доверия опрошенных коррелирует субшкала «Справедливость», которая отображает убеждение личности в том, что в мире действуют законы справедливости, и каждый человек получает то, что заслужил. Также можно заметить, что среди вышеперечисленных профессий есть небольшая группа (священники, бизнесмены и спортсмены), доверие к которым в наибольшей степени связана с параметрами психологической безопасности. Сложно объяснить, что именно объединяет эти профессии; вероятно, они символизируют основные полюса ценностно-смысловой сферы личности («духовное–материальное»).

Интересными, однако, являются не только описанные корреляции, но и факты их отсутствия. В частности, оказалось, что параметры психологической безопасности студентов практически не связаны с их доверием к представителям целого ряда профессий. Сюда относятся: адвокаты, актеры, работники банков, водители общественного транспорта, врачи, чиновники, мастера, пилоты, пожарные и спасатели, политики, полицейские, преподаватели, психологи, социологи, IT-специалисты, страховые агенты, судьи, телеведущие, фармацевты и фермеры. Предполагаем, что доверие опрошенных студентов к ним обусловлено другими личностными и социально-психологическими факторами (особенности мировоззрения, социальные стереотипы, жизненный опыт и т.д.).

Ряд исследований черниговских психологов были посвящены проблемам связи психологической безопасности с толерантностью молодежи (А.Г. Скок); личностным благополучием (Т.В. Данильченко); связи ролевой виктимности молодежи и эмоциональных характеристик молодежи, в частности эмоционального интеллекта (С.П. Деревянко); психологической безопасности детей и молодежи в семейном пространстве (Ю.В.Примак); социальных страхов молодежи (Л.А. Ляховец); социальных представлений молодежи про опасность и безопасность (М.А. Дроздова); информационно-психологической безопасности молодежи (А.А. Лисневская, Н.М. Махний); особенностей и факторов восприятия старшеклассниками безопасности школьной среды (В.А. Панченко, Т.Н. Позняк), а также безопасности инклюзивного образовательного пространства (В.Г. Щербатая); проблем психологической безопасности сотрудников высших учебных заведений (И.Б. Волеваха, С.В. Фера) (Проблеми психологічної безпеки, 2019).

Прикладные исследования психологической безопасности молодежи в черниговской социально-психологической школе проводились, прежде всего, в контексте разработки и апробации диагностическо-развивающей программы «САШ» («Стоп агрессии в

школе») (Проблеми психологічної безпеки, 2019). Целью этого проекта было создание психологической технологии, направленной на профилактику и предотвращение буллинговых отношений в школьных коллективах. Как известно, буллинг является специфической формой агрессивного поведения, которая проявляется в местах концентрации детей и молодежи (часто – в учебных заведениях). Его специфика проявляется в следующем: а) систематичность, регулярность проявления (в отличие от обычных агрессивных актов); б) в основе буллинга лежат отношения неравенства (физического или социального) между буллером (агрессором) и жертвой, фактически это отношения преследователя и жертвы; в) возникнув, буллинговые отношения, так или иначе, «втягивают» в себя весь класс (группу) – кроме основных ролей «агрессора» («агрессоров») и жертвы, тут задействованы многочисленные «свидетели» («зрители»), активные и пассивные сторонники «агрессора(-ров)» или «жертвы». Соответственно, методологическая концепция программы «САШ» базировалась на таких идеях:

1) буллинг является, прежде всего, социально-психологическим феноменом, своеобразным «социальным театром», в котором «буллеры» и жертвы лишь на первый взгляд выступают основными «актерами»;

2) на самом деле, формирование и развитие буллинговых отношений во многом зависит от реакций «зрителей», которые составляют большинство группы (класса);

3) таким образом, психопрофилактика буллинга предполагает психолого-педагогическую работу с потенциальными «зрителями», формирование у них ряда личностных черт, которые будут препятствовать буллинговым отношениям.

Исходя из этого, основными задачами программы являлись: а) диагностика степени распространенности феномена буллинга в среде современных школьников; б) определение комплекса личностных и социально-психологических особенностей школьников и школьных классов, где зафиксированы проявления буллинга; в) разработка и апробация развивающе-профилактической программы, направленной на формирование качеств, препятствующих распространению буллинга.

Вся эта работа проходила на протяжении 2017-2019 гг. Уже на первом (диагностическом) этапе пришлось решать проблему психодиагностики симптомов буллинга. Упомянутые ранее психологические особенности феномена буллинга позволяют понять, почему использование традиционных методик диагностики «обычной» агрессивности (опросник Басса-Дарки, «Тест руки» Вагнера и т.д.) в данном случае являлось бессмысленным (невалидным). Тем не менее, некоторые психологи на постсоветском пространстве применяли и до сих пор применяют подобные методики, видимо считая, что высокие показатели агрессивности учащихся автоматически сигнализируют о

наличии в группе буллинговых отношений. Понимая все это, один из пионеров изучения проблемы буллинга – норвежский психолог Дэн Ольвеус в 1990-е гг. разработал соответствующий специализированный опросник OBVQ (Olweus Bully/Victim Questionnaire), который на данный момент является наиболее известным и применяемым в западной психологии диагностическим инструментом для изучения буллинга. Методика была переведена и адаптирована во многих странах мира, в частности в США, Великобритании, Финляндии, Австралии, Нидерландах, Испании, Японии, Канаде, Бразилии и др. К сожалению, вопреки существующему многолетнему социальному запросу, подобная работа до сих пор не была проделана ни в Украине, ни в России. Отдельно стоит упомянуть про методику анкетного характера, разработанную белорусским психологом И.А. Фурмановым. Предложенная им «Шкала виктимизации сверстников» (Фурманов, 2007) по своей сути напоминает опросник OBVQ: она также включает 2 набора («формы») вопросов о частоте проявления агрессивных действий («от себя – к другим» и «других – к себе»). Однако, поскольку буллинг – это форма социально нежелательного поведения, то при использовании этих (и подобных им) самоотчетных методик возникает проблема надежности полученных результатов вследствие эффекта социальной желательности. Ситуация усугубляется еще и тем, что методика И. Фурманова не имеет «шкалы лжи». Как известно, в таких случаях результаты опросников можно «подстраховать» данными проективных тестов.

А потому при реализации диагностического этапа программы «САШ» наряду с использованием сокращенного варианта шкалы И. Фурманова нами была использована авторская проективная методика экспресс-диагностики буллинговых проявлений. Было создано два стимульных рисунка (рис. 1-2) по типу рисунков в известных проективных тестах Розенцвейга и Рене Жиля¹.

Первый рисунок направлен на диагностику физической формы буллинга, второй – нефизической (вербального и/или социального буллинга). Стимульные изображения имеют абстрактный «бесполый» характер без детальной прорисовки лиц (чтобы мимические изображения не «натолкнули» испытуемых на определенный тип ответа). При предъявлении каждого рисунка испытуемому предлагается ответить на вопросы: «*Что, по твоему мнению, изображено на этом рисунке?*» и «*Ты был свидетелем такого в своем классе? Часто такое бывает?*».

¹ Автор идеи – А.Дроздов, художник – студентка Е.Ляшко.

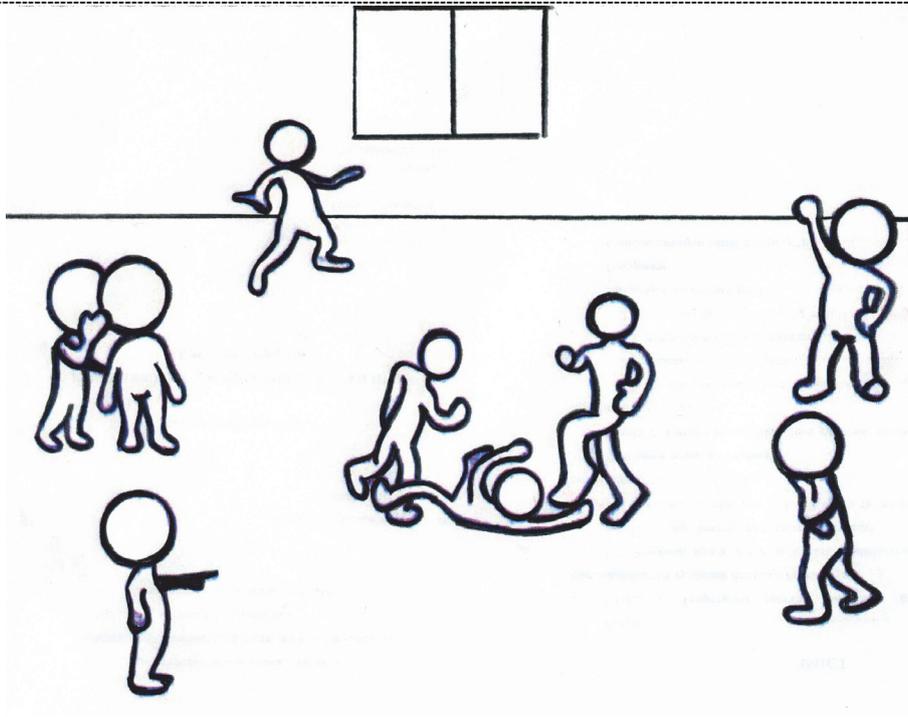

Рис. 1. Карточка на диагностику физического буллинга

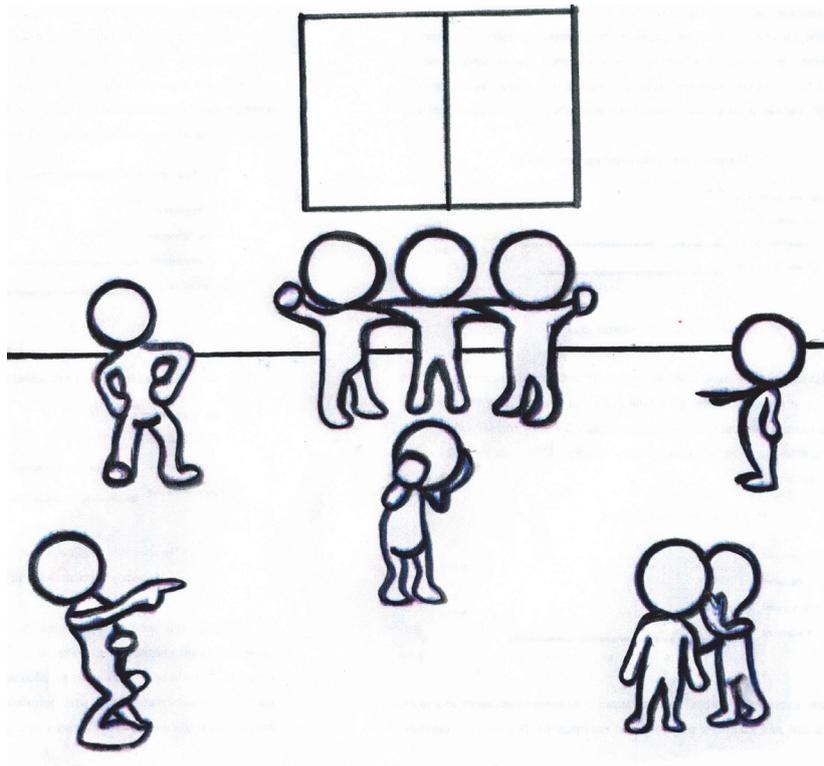

Рис. 2. Карточка на диагностику нефизических форм буллинга

Анализ ответов осуществляется по 3 критериям: 1) испытуемый должен интерпретировать изображение именно как форму агрессивного поведения («бьют», «нападают», «издеваются» и т.д.); 2) испытуемый дает позитивный ответ относительно наблюдения таких действий в своем классе (в таком случае начисляется 1 балл);

3) испытуемый заявляет про частоту таких случаев в классе (начисляется 2 балла).

Весной 2017 г. на базе одной из общеобразовательных школ г. Чернигова преподавателями кафедры был организован и проведен пилотажный мониторинг. За один день в школе были анонимно протестированы учащиеся всех 5-10-х классов (n=565 человек). Такой шаг был обусловлен необходимостью оперативной диагностики, чтобы возможный «межклассный телеграф» не смог сформировать у учеников лишних психологических установок. Полученные в ходе мониторинга данные отражены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты диагностики буллинговых проявлений (по проективным рисункам) в возрастных группах школьников

	Классы (% опрошенных)		
	5-6-е	7-8-е	9-10-е
Рисунок 1 (физический буллинг)			
1 балл (такое наблюдал)	28	22	2
2 балла (бывало часто)	8	5	9
В целом	36	27	11
Рисунок 2 (вербальный / социальный буллинг)			
1 балл (такое наблюдал)	32	31	5
2 балла (бывало часто)	21	11	26
В целом	53	42	31

Как видим, частота проявлений физической формы буллинга колеблется в пределах 11-36%, а «нефизического» (вербального/социального) – в пределах 31-53%. Большую выраженность второй формы буллинга в принципе можно считать целиком закономерной. Это может следствием того, что: а) вербальная агрессия, к сожалению, давно стала составляющей современной молодежной субкультуры, своеобразной «нормой» бытового межличностного общения (и не только среди молодежи...); б) эта форма поведения является более легкой в плане своей реализации, нежели физический буллинг (т.к. она не требует от индивида физических, волевых или интеллектуальных усилий). Возможно, именно с этим связана и меньшая распространенность симптомов физического буллинга – он является более «экстремальной», рискованной, заметной

формой девиации, которая вызывает критическую реакцию со стороны взрослых.

Апробация созданной проективной методики подтвердила возможность ее использования для экспресс-диагностики буллинга (в частности, имели место статистически достоверные корреляции с показателями «Шкалы виктимизации сверстников»). Полученные данные подтвердили необходимость начала проведения психопрофилактической работы именно в классах младшего подросткового возраста.

В ходе исследования было выделено несколько классов, в которых фиксировались более высокие (частые) проявления буллинговых реакций. В дальнейшем, в них была проведена углубленная диагностика, позволившая выделить ряд специфических индивидуально- и социально-психологических особенностей учащихся (эта работа составила следующий этап реализации программы «САШ»). На основе полученных результатов, а также теоретического анализа ряда научных источников, было решено сосредоточить дальнейшее внимание на формировании у подростков толерантности, эмоционального интеллекта (способности понимать чужие и управлять своими эмоциями), эмпатии и личностной автономии.

Разработка соответствующей развивающе-профилактической программы составила третий этап реализации программы «САШ» (авторы программы – И.Н. Ющенко, Е.А. Низовец-Кропта, С.П. Деревянко, А.Ю. Дроздов) (Проблеми психологічної безпеки, 2019). Программа содержит комплекс специальных занятий – психологических уроков для детей младшего подросткового возраста, которые проводятся психологом во внеурочное время. Для их проведения применяются методы активного управляемого социально-психологического обучения – информационные, дискуссионные, игровые. Каждое занятие состоит из коротких сообщений, объяснений ведущего, выполнения специальных индивидуальных и групповых упражнений с последующим их обсуждением. При этом ведущий предлагает различные формы группового взаимодействия, поощряет обсуждения, инициативы со стороны детей.

Развивающе-профилактическая работа осуществляется в трех основных направлениях:

- формирование представлений о сущности буллинга и недопустимости проявления насилия во взаимоотношениях с другими, способности противостоять групповому давлению;
- осознание и принятие гуманистических коллективистских групповых ценностей и навыков просоциального поведения;
- развитие эмпатии, доброжелательности, толерантности.

Структура программы «САШ» включает вступительное занятие, три блока занятий (по 2 занятия в каждом) и заключительное занятие.

Общая продолжительность программы – 8 часов. Форма занятий – групповая, ориентировочное количество участников – 20-25 человек.

На первом (вступительном) и заключительном занятиях проводится психологический мониторинг, направленный на диагностику склонности учеников к буллингу. Для этого используются «Шкала виктимизации сверстников» И.А. Фурманова, вышеописанная проективная методика из 2 стимульных картинок, задания анкетного характера, направленные на диагностику ряда личностных качеств (толерантность, способность понимать чужие эмоции и управлять своими, эмпатийность, конформизм, зависимость). Тут также могут быть использованы методы беседы с учениками и классными руководителями. Кроме того, на вступительном занятии участникам сообщаются цель и основные задачи программы, а также правила (принципы) работы на всех последующих занятиях.

Первый блок занятий посвящен развитию представлений о сущности буллинга, формированию критических оценок данного явления и навыков автономного («неконформного») поведения. Второй блок направлен на ознакомление с феноменом ненасильственного взаимодействия, формированию мотивации просоциального поведения в группе. Занятия третьего блока касаются расширения знаний учащихся про эмоциональную сферу человека, формирования навыков саморегуляции эмоциональных состояний, ознакомления с сущностью толерантных взаимоотношений. Заключительное занятие предусматривает подведение итогов, обмен впечатлениями от занятий, второй этап психологического мониторинга.

Данная программа прошла апробацию в одной из средних школ г. Чернигова. Данные мониторингов, а также позитивные отзывы участников программы и учителей позволяют рассматривать «САШ» как перспективную психолого-педагогическую технологию профилактики буллинговых отношений в средней школе. Следует отметить, что содержание и направленность программы «САШ» полностью соответствует общемировым тенденциям в разработке антибуллинговых программ. Напомним, что первоначально программы подобного типа базировались на принципе («политике») так называемой «нулевой толерантности» (*zero tolerance*) к любым проявлениям насилия, что предполагало применение достаточно жестких санкций против инициаторов буллинга (вплоть до их исключения из школы). Со временем ему на смену пришел «превентивный» подход (*early intervention*), где ставка делается на формирование общешкольной культуры (атмосферы) уважения и понимания, включение антибуллинговых компонентов в учебно-воспитательный процесс, постоянный мониторинг буллинговых проявлений для своевременного психолого-педагогического вмешательства (Roberge, 2012). Идея о том, что ключевым адресатом в профилактике буллинга должны быть его

потенциальные «свидетели» («зрители»), на данном этапе также пользуется поддержкой ряда специалистов (Волкова, 2019).

Изучение проблем психологической безопасности молодежи является одной из приоритетных задач современной психологической науки. Данные ряда социально-психологических исследований черниговских специалистов позволяют вести речь о некоторых тенденциях и закономерностях, отражающих системный характер данного феномена. Так, одними из детерминант психологической безопасности современной украинской молодежи выступают социально-политические и социально-экономические факторы, часто имеющие территориальную «привязку».

Уровень психологической безопасности личности выступает одним из факторов повседневного политического (в т.ч. геополитического) сознания молодежи. В частности, ряд показателей психологической безопасности (прежде всего такие параметры как «Доброжелательность окружающего мира» и «Справедливость») связан с уровнем оптимистичности-пессимистичности прогнозирования социально-политического и социально-экономического развития страны.

Параметры психологической безопасности современной молодежи по-разному связаны с уровнем ее социального доверия. В частности, если доверие к одним профессиональным группам (в наибольшей мере – к священникам, бизнесменам и спортсменам) связано с уровнем психологической безопасности (чаще всего – с параметром «Справедливость»), то к представителям других групп – нет.

Одной из задач обеспечения психологической безопасности молодежи является профилактика буллинговых отношений в учебных коллективах. Перспективными психотехнологиями в этом плане могут служить разработки специалистов черниговской социально-психологической научной школы (в частности, программа «Стоп агрессии в школе»).

Перспективами дальнейших исследований нам представляются два основных направления. Первое касается фундаментальных исследований структурных компонентов, социально-психологических факторов и механизмов формирования психологической безопасности молодежи в целом, и ее отдельных групп (школьников, студентов, детей-переселенцев и т.д.) в частности. Второе направление предполагает активизацию в разработках прикладного характера – методик диагностики уровня психологической безопасности молодежи, социально-психологических и психолого-педагогических технологий её формирования, восстановления и т.д.

Список использованной литературы

Агузумцян Р.В., Галстян А.С., Мурадян Е.Б. Психологическая безопасность личности студента. *Вестник практической*

- психології освіти*. 2010. №2(23). С. 56-63.
- Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. Санкт-Петербург: Союз, 2002. 271 с.
- Баева И.А. Психология безопасности как направление психологической науки и практики. *Национальный психологический журнал*. 2006. Ноябрь. С. 66-68.
- Баранова Ю.М. К вопросу об информационно-психологической безопасности детей и подростков в сети Интернет. *Социальная психология и общество*. 2012. Т. 3. №4. С. 122-129.
- Блинова О.Є. Теоретичний аналіз розвитку уявлень про психологічну безпеку. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: психологічні науки*. 2017. Вип. 6. Том 2. С. 130-136.
- Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен. *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2013. Т.10. № 3. С. 149-159.
- Волкова Е.Н., Цветкова Л.А., Волкова И.В. Методологические основания для разработки программ профилактики подросткового буллинга. *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 74. С. 88-100.
- Губарева Г.А. Буллинг в образовательной среде: проблемные переживания страшекласников и жизнестойкость. *Научные труды SWORLD*. 2015. Т.8. № 4. С. 4-9.
- Губко А.А. Соціально-психологічні чинники булінгу в різних вікових групах школярів. *Вісник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т.Г.Шевченка*. 2015. Вип. 128. Серія: психологічні науки. С. 76-80.
- Десятьова Т.В. Психологічна безпека студентів вищих навчальних закладів. *Правничий вісник Університету «КРОК»*. 2013. Вип. 17. С. 144-151.
- Донцов А.И., Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю., Перельгина Е.Б. Психология безопасности: учебное пособие. Москва: Юрайт, 2015. 276 с.
- Дроздов О.Ю. Геополітичний образ майбутнього молоді з різних регіонів України в контексті психологічної безпеки. *Проблеми політичної психології*: зб. наук. праць. Київ: Талком, 2018а. Вип. 7 (21). С. 113-127.
- Дроздов О.Ю. Психологічна безпека вітчизняної молоді у регіональному вимірі. Соціалізація і ресоціалізація особистості в умовах сучасного суспільства: матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції (Київ, 8-9 листопада 2018 р.) / За заг. ред. О.І. Власової, Н.М. Дембицької, Я.Г. Запеки. Київ: Віваріо, 2018б. С. 49-50.
- Дроздова М.А. Регіональні особливості соціальних уявлень студентської молоді про безпеку й небезпеку. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: «Психологічні науки»*. 2019. Вип. 1. С. 211-216.

- Кикоть В.Я. Представления о безопасности городских и сельских школьников как показатель развития правового сознания. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена*. 2013. № 161. С. 191-197.
- Кора Н.А., Зенина С.Р. Динамика личностной безопасности студенческой молодежи в условиях высшего профессионального образования. *Вестник Амурского государственного университета*. 2015. Вып.70. С. 92-102.
- Куравська Н. Прояви захищеності як чинника психологічної безпеки студентів в умовах ВНЗ. *Збірник наукових праць: психологія*. 2016. Вип. 21. С. 79-86.
- Лызь Н.А., Куповых Ж.Г., Прима А.К. Опыт исследования представлений вузовской молодёжи о безопасности. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016. №3 (27). С. 86-95.
- Медіапсихологія: на перетині інформаційного та освітнього просторів: монографія / за наук. ред. Л.А. Найдьоновой, Н.І. Череповської. Київ: Міленіум, 2014. 348 с.
- Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р.Янофф-Бульман. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. №4. С. 98-106.
- Панченко Т.Л. Психологічна безпека інклюзивного освітнього середовища. *Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія 19: Корекційна педагогіка та спеціальна психологія*. 2014. Вип. 28. С. 327-332.
- Петросянц В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: Автореф. дис ... канд. психол. наук: 19.00.07. Санкт-Петербург, 2011. 29 с.
- Проблеми психологічної безпеки сучасної молоді: монографія / За наук. ред. О.Ю. Дроздова. Чернігів: Десна Поліграф, 2019. 244 с.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация. *Национальный психологический журнал*. 2014. №3 (15). С. 39-51.
- Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. Санкт-Петербург: Речь, 2007. 480 с.
- Юрченко Л.Г., Ковалева Н.И. Обеспечение психологической безопасности участников инклюзивного образовательного процесса. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т.8. №5/3. С. 189-194.
- Roberge G.D. From Zero Tolerance to Early Intervention: The Evolution of School Anti-bullying Policy. *Journal of Education Policy*. 2012. No.1. P.1-6